

МистерЭндорфин способен электрифицировать самую отдаленную тмутаракань нашей души.

ОЛЕГ БАТЛУК

МИСТЕР

ЭНДОРФИН

Питомцы Мистера Эндорфина светятся изнутри.

Ученики Мистера Эндорфина словно проглотили лампочку.

Олег Батлук
Мистер Эндорфин

«АСТ»

2019

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Батлук О.

Мистер Эндорфин / О. Батлук — «АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-111364-3

Автор бестселлеров «Записки неримского папы» и «Мемуары младенца» Олег Батлук берет очередную высоту. Сборник «Мистер Эндорфин» состоит из умопомрачительных историй, пронизанных фирменной авторской самоиронией. Блестящее чувство юмора, неиссякаемый поток шуток и гэгов, ироничная наблюдательность и желание показать жизнь прекрасной даже в самые щекотливые моменты придают новой книге автора неповторимое звучание.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-111364-3

© Батлук О., 2019
© АСТ, 2019

Содержание

Апология жанра. Вместо предисловия	6
Предисловие	7
1. Невезучий. Автопортрет	8
2. Мае укеми	9
3. Из жизни дятлов	10
4. Родовое проклятье	12
5. Невероятный Халк	14
6. Издержки воспитания	16
7. О важности геометрии	18
8. Склад Афродит	20
9. Пока грохочущая слякоть	22
10. Самый неуклюжий флирт в истории	23
11. Тартар из языка тела	25
12. Леша Невидимка	29
13. Белый лебедь	31
14. Пикник на Этне	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Олег Викторович Батлук

Мистер Эндорфин

© О. Батлук, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Апология жанра. Вместо предисловия

Писательская муза – это Золушка, и ей подходит лишь одна-единственная туфелька жанра.

Хорошо, если эта туфелька лежит прямо на лестнице перед дворцом. Многие авторы искали ее всю жизнь...

В первое утро своего писательства я свесил ноги с кровати и попробовал роман. Так малыши напяливают папины ботинки сорок третьего размера и волочат за собой внезапно отросшие копыта.

Затем я сунул ступни в новеллу. Она была удобна, как домашние тапочки. Я едва слышно шаркал к финалу, не разбудив даже тараканов под плинтусом.

После этого я решил примерить поэзию. Поэзия, как лакированные туфли, сверкала даже в ненастную погоду. Это было как минимум эффектно. Правда, рифмы меня страшно стесняли. Я не мог пройти и метра без стонов (что для лирических стихов неплохо). Досочинявшись до кровавых мозолей, я оставил поэзию поэтам.

И вот, наконец, я нашел своей Золушке жанр по размеру. Правда, им оказалась не хрустальная туфелька, а кроссовки. Пружинистые и легкие, в которых можно пробежаться перед работой.

Я говорю о жанре миниатюры. В кино существует похожий формат – короткометражки.

Аналогия с кино неслучайна. Я вообще считаю, что мы сейчас живем в эпоху посткинематографа, когда кино существенно преобразует все прочие виды искусства.

Литература «пострадала» от кинематографа больше всего. Джойс заметил угрозу еще в тридцатые годы прошлого века: он внимательно смотрел «Броненосец Потемкин», изучая приемы монтажа. Стремительно слепнувший ирландец понимал, что новое искусство, умеющее оживлять написанные тексты, может легко выиграть конкуренцию у слепой литературы.

Чтобы добиться успеха в эпоху посткинематографа, литература должна быть киногенична. Отныне ее главная добродетель – это умение усадить читателя в режиссерское кресло и помочь ему снять кино в своей голове. На авансцену литературы выходит изобразительная техника кинематографа: монтаж, смена планов, флешбэки и саундтрек. Роль последнего играет звукопись письменной речи.

Между кино и литературой остается одно различие: в первом случае ты – зритель, во втором – режиссер.

Режиссер – это, конечно, увлекательно: можно создать свой город солнца на ощупь, – но энергозатратно. Работа зрителя легче и в бытовом плане комфортнее.

При этом на воображение современного человека претендует не только литература. Кто только не норовит залезть нам в голову. Даже среднего ума «умный» дом скоро станет умнее нас.

У литературы больше нет бескрайних русских просторов, беспросветных ночей, безылазных зим, чтобы наслаждаться монополией на наш досуг. Где ты, блаженное бестелевизорье, безыинтернетье и безайфонье? Пропало не за понюшку биткойна.

На высказывание современному писателю оставили в разы меньше времени, чем его предшественникам. Наши будни – это мелкий винегрет. Мы перестали проживать большие эпические жизни и перешли на экспресс-судьбы, малолитражные участи и компактное мироздание. Мы стали королями эпизода.

И тут выхожу я, весь в белом, со своими миниатюрами – короткометражками.

Я не претендую на вашу душу. Только на ваши пять минут за чашечкой кофе.

Олег Батлук

Предисловие

Данный сборник миниатюр рекомендован для самолечения «Всемирной Организацией Практикующих Эльфов и Человеколюбивых Гномов». Он составлен из текстов – «эндорфинок». «Эндорфинка» – это гибрид зефирки и валентинки: нежная, тающая на языке зефирка, отправленная с любовью в конверте от валентинки. Если вас уже стошнило от уменьшительно-ласкательных суффиксов, значит, вы не знакомы с Мистером Эндорфином. Но это поправимо.

Мистер Эндорфин учит нас зефирьей нежности и валентинковой сердечности. Он способен электрифицировать самую отдаленную тмутаракань нашей души.

Ученики Мистера Эндорфина словно проглотили лампочку. Есть такие энтузиасты, на спор глотающие лампочку и ставящие в тупик специалистов в травмпунктах. Последователей Мистера Эндорфина от упомянутых энтузиастов отличает то обстоятельство, что у них в животе эта лампочка приживается. Питомцы Мистера Эндорфина светятся изнутри.

Мистер Эндорфин скачет по жизни с торшером наперевес. Ведь современные ветряные мельницы можно победить только светом.

1. Невезучий. Автопортрет

Когда в двадцатом роддоме города Москвы, где я родился, младенцам выдавали кармы, мою уронили.

С тех пор моя карма с трещиной. У меня все валится из рук. Я – ходячий полтергейст.

Если я сажусь на стул, он ломается. Если я открываю бутылку колы, она брызжет во все стороны. Если я встаю в очередь за чем-то, на мне это что-то заканчивается.

Друзья активно пользуются мной, спрашивая на перепутьях, куда бы пошел я, чтобы самим направиться в противоположную сторону.

Мне нравится эпитет «невезучий» из одноименного фильма с Пьером Ришаром, но те же друзья называют меня жопоруким. Я – человек повышенной пьер-ришаровости.

Всего один пример, чтобы показать глубину проблемы.

Однажды я ехал с компанией в автомобиле на переднем пассажирском сиденье. Мы направлялись на пикник отмечать покупку этого самого автомобиля товарищем. Внезапно сзади ко мне на сиденье прибежала собачка, маленькая такая, тойтерьер или как они там называются, из серии этих вечно трясущихся созданий, всем своим видом как бы говорящих «мне хана». Ее хозяйка, сидевшая за моей спиной, попросила передать песика обратно назад. Я поймал собачку и передал. Ничего сложного.

В следующую секунду хозяйка начала орать. За ней владелец машины начал орать. За ними весь салон начал орать.

На меня. Передавая собачку, я ее головой снес зеркало заднего вида. Напрочь. Вырвал с корнем.

Единственным живым существом, кто тогда не издал ни звука, была собачка. Животные чувствуют это. Стихию, с которой лучше не связываться.

2. Мае укеми

С такой пьер-ришаровой грацией я пошел заниматься айкидо. Мне захотелось окончательно загнать свой организм в тупик.

Какое-то время я честно посещал тренировки и даже сдал экзамен на некий младенческий «пояс». У них в айкидо это называется «кю», почти как в фильме «Кин-дза-дза». Правда, красных штанов мне не выдали.

На одной из тренировок мы отрабатывали базовый элемент – кувырок вперед. В айкидо он именуется не так топорно, как у нас, у славян, «кувырок», а, напротив, поэтично, как все у японцев, «мае укеми». Кувырок производится из нижней стойки, с колен. Одна ладошка ставится на пол от себя, другая – к себе, толчок – и ты перекатываешься вперед, красивый, элегантный, и даже, по собственным наблюдениям, немножко сексуальный.

И вот во время очередного кувырка я внезапно задумался. О работе, о мире во всем мире, о бабах или о феноменологической редукции у Гуссерля – неважно, у меня бывает. Крепко так задумался, тотально, всеобъемлюще и весьма, весьма некстати. Потому что в момент неожиданного прихода мысли в мою голову, голова эта была в неестественном положении вверх тормашками: кувырок «мае укеми» был в самом разгаре.

Мозг, занятый Гуссерлем, мгновенно перестал посылать сигналы в тело, и я осыпался в себя. Все мышцы одновременно расслабились, и в итоге вместо кувырка вперед я неуклюже встал на голову и упал на бок, врезавшись в стену спортзала. Вместо поэтичного японского «мае укеми» получилось наше славянское «ё-моё».

«Знаешь, на что это было похоже? – философски заметил наш тренер (он же «сэнсэй», он же «сихан»), соскребая мои останки со стены, – как будто колесо от телеги отвалилось и укатилось в кювет...»

«Как будто колесо от телеги отвалилось» – вот наиболее точное описание меня в любом спорте.

3. Из жизни дятлов

Я какая-то передвижная аномальная зона. В меня приземляются и из меня взлетают НЛО, причем без моего ведома. Техника в радиусе моей вытянутой руки неизбежно выходит из строя. Правда, возможно, дело как раз в вытянутой руке.

Старые пишущие машинки – живые существа. У них есть собственное мнение и, что неожиданно, литературный вкус. Например, моя первая пишущая машинка положила свою короткую жизнь на то, чтобы отучить меня писать. Ей катастрофически не нравилось мое творчество. Она стояла на письменном столе насмерть, чтобы спасти мир от такого автора.

Сначала я творил на бумаге. Но у меня был ужасный почерк, который во время графоманских припадков становился и вовсе неизвестной науке клинописью. Когда наутро наступало похмелье после очередного вдохновения, я ничего не мог разобрать.

Видя мои мучения, папа подарил мне на день рождения пишущую машинку. Она была подержанной, впрочем, как и моя муза. Машинка сразу невзлюбила мой размашистый стиль. Я подозреваю, что в своей прошлой жизни до меня она работала в какой-то безликой советской конторе и каждый день печатала одинаково-правильное. Это была нелюбовь с первого взгляда.

Машинка саботировала свои базовые функции, как могла.

Во-первых, она никогда не пропечатывала буквы с первого раза. Чтобы добиться оттиска, мне приходилось подпрыгивать на стуле и обрушиваться на нее всем весом. В то время я умел печатать только двумя указательными пальцами (впрочем, как и по сию пору). Уже через месяц я накачал их настолько, что мог протыкать бетонные стены, как каратист. Стук моей пишущей машинки напоминал движение поезда: все было очень громко и даже грохочуще. «О, кажется, наш дятел проснулся», – каждый раз ласково говорил мой папа, когда я приступал к очередному опусу.

Во-вторых, этот странный агрегат научился втягивать клавиши в себя. Когда я попадал пальцем между ними (а я попадал, поскольку со временем указательные пальцы распухли, как сардельки, и в мои лучшие годы занимали добрую половину руки), клавиши слипались и намертво застревали в недрах машинки. Поэтому я печатал, как до революции, с ятями.

«...ять!..ять!..ять!» – несло над нашим садовым товариществом (я часто творил на даче), когда машинка в очередной раз вероломно уходила в себя.

«Ох, у Олежки опять творческий кризис», – причитала моя интеллигентная бабушка, спеша на кухню, чтобы приготовить мне что-нибудь расслабляюще-вкусненькое.

Но однажды пишущая машинка превзошла сама себя. Я как раз дописывал последние страницы своей остросоциально-эротической эпопеи «Слеза куртизанки», этакой смеси романа «Преступление и наказание» и фильма «Эммануэль» (безвозвратно утрачена, к огромному, огромному сожалению). И вот я в очередной раз разогнался, не успевая за скачущей канканом по моей фантазии куртизанкой, от души долбанул по полустертым клавишам, и палец намертво застрял в недрах клавиатуры. Несколько минут я честно пытался выдернуть его обратно, даже вставая на стул и используя ноги как рычаг, – безрезультатно. Машинка схватила меня железной хваткой и ни в какую не хотела отпустить в большую литературу.

«Папа! – истошно завопил я, – папа!!!»

На мой крик прибежала перепуганная бабушка (дело было на даче):

«Что, Олежка? Приготовить что-нибудь вкусненькое?»

«Позови папу...» – простонал я.

Через минуту в комнату умиротворяюще всплыл отец (он всегда так передвигался, в режиме круизного лайнера).

«Что там?» – услышал я с улицы встревоженный голос мамы.

«Все нормально, – крикнул ей отец, – кажется, у нашего дятла клюв застрял».

На следующий день рождения папа подарил мне мой первый компьютер.

4. Родовое проклятье

Моя пьер-ришаровость начинается с фамилии. Вот уж неиссякаемый источник катаклизмов. Наградили предки, от души.

Однажды утром гороскоп сказал: а вот тебе, козий рог, сегодня лучше посидеть дома. А я не послушался и пошел покупать телевизор.

Я стоял посреди большого сетевого магазина электроники, подслеповато вглядываясь в разнотравье красивой плазмы, на которой демонстрировалось поле, и за этим занятием меня застучал продавец-консультант. Прекрасный выбор, сказал он мне, хотя я успел разглядеть только один пиксель. Пиксель был и правда неплох.

Я постеснялся при плазме признаться, что она не очень-то мне и нравится, и мы отправились к компьютеру выписывать товар.

Продавец поинтересовался, нужна ли мне дополнительная страховка на телевизор.

«Нет, – ответил я уверенно, – а сколько стоит?»

Это типичное поведение среднестатистического отечественного покупателя: сначала наотрез отказаться, а затем дотошно выяснять от чего.

«Э-э-э-э, если вдруг сломается», – расплывчато объяснил продавец.

Я давно заметил, что у продавцов-консультантов в больших сетевых магазинах развиты паранормальные способности. Не исключаю, что их набирают туда прямо из «Битвы экстрасенсов». «Вдруг сломается» – это прямо-таки словарное определение моего маленького сына Артема. Я, собственно, и пришел за новой техникой, потому что старый телевизор мой сынок полил из лейки, когда там показывали сады Англии по какому-то видовому каналу.

Я согласился на страховку. Для нее потребовались мои личные данные.

«Ваша фамилия?» – спросил продавец.

«Батлук. Первое «бэ». Борис», – выдал я.

Я всегда выдаю подобное, когда спрашивают мою фамилию. Я считаю, что такой фамилией ставлю людей в неудобное положение и стараюсь по мере сил сделать для них это неудобное положение чуть более удобным.

«Ага. Батлук. Борис. А отчество?» – поинтересовался продавец, вбивая данные в компьютер.

«Нет-нет, я не Борис, – пролепетал я, – я так сказал, чтобы вы не перепутали первую букву фамилии. Ну, там, Борис, Богдан».

Продавец несколько секунд стоял, растопырив пальцы над клавиатурой, как Мацуев перед началом концерта.

«Я не понял, так вы Борис или Богдан?» – уточнил продавец.

На мне его экстрасенсорные способности трагически сломались.

«Я – Олег», – сказал я истинную правду, от которой продавца почему-то передернуло.

«Олег...» – продолжил заполнять он анкету.

Я на всякий случай заглянул ему через плечо, чтобы перепроверить.

На экране в графе «фамилия» я прочел «Батдук». Еще один несчастный сломал пальцы об мой древний род. А мог бы и язык.

«Ой, простите, – обратился я к продавцу, – у вас там неправильно. Надо „эл“, Леонид, а сейчас написано „дэ“, Дмитрий».

Даже со спины было видно, как у парня задергался глаз.

«Сейчас написано „Борис“, – произнес басовитый продавец фальцетом, – я собирался исправить на „Олег“. Исправлять на „Леонида“? Или на „Дмитрия“?»

В этот момент его кто-то позвал.

«Минуточку», – извинился продавец и куда-то отлучился.

Пока его не было, я изучил анкету более внимательно. Для страховки требовались только имя и телефон.

В моменты стресса я начинаю парадоксально мыслить – не раз за собой замечал. Я решил, что, поскольку паспортные данные в анкете нигде не фигурируют, теоретически я могу назвать любые ФИО – никто же не проверит.

И когда продавец вернулся, я уже точно знал, как ему помочь.

«Давайте напишем „Иванов Иван Иванович“, – объявил я с сияющим лицом.

Продавец мгновенно побледнел и идеально совпал по цвету с холодильником, возвышавшимся на заднем плане за его спиной. Я слышал, как крошатся его зубы.

«У вас есть настоящее имя?» – прошипел продавец.

Я почувствовал себя персонажем шпионского триллера.

«Да...» – неуверенно протянул я.

«Вот давайте его и запишем, – сказал продавец, – отчество?»

«Викторович», – признался я как на духу.

Сразу после моего чистосердечного признания продавца снова отвлекли.

Он опять отбежал куда-то, через минуту появился и наспех закончил заполнение анкеты, уже ни о чем меня не спрашивая и даже, как мне показалось, изогнувшись в дугу так, чтобы оказаться подальше от меня.

Наконец продавец распечатал страховку вместе с товарным чеком и протянул их мне, дежурно поздравляя с покупкой. При этом в слове «поздравляю» он потерял все гласные. Прозвучало даже немного угрожающе.

На кассе я передал документы веселой беззаботной девушке, не подозревавшей, через какие круги интеллигентского ада мне только что пришлось пройти.

«Батдук Борис Иванович? – спросила веселая беззаботная девушка, заглянув в страховку, – все верно?»

На мгновение я представил себе лицо продавца-консультанта, к которому я приду исправлять бумажки.

«Да, все верно», – ответил я, запихивая паспорт поглубже в карман.

5. Невероятный Халк

Пьер-ришары хороши в кино. В жизни подобное амплуа тяготит. Время от времени ты предпринимаешь попытки выскочить из него, но путаешься, как клоун в штанах не по размеру, и падаешь на арену. Публика хохочет пуце прежнего...

Я люблю фильмы про супергероев. Они ненадолго уравнивают мою карму.

Как-то вечером в деревне я устроил себе марафон мужественности – посмотрел подряд целых три нетленки про супергероев: Халка, Человека-паука и Тора.

Под впечатлением от увиденного я вышел на крыльцо отдышаться. Скрипя половицами, я подслеповато вглядывался в свой внутренний мир.

А там как раз развернулась широкая кампания по героизации меня. Через несколько минут я уже чувствовал себя довольно смелым и даже немного отважным: зеленые мышцы под рубашкой бугрятся, паутина в ладонях чешется, и молоток зудит. Правда, на улицу за калитку я всё-таки выйти не рискнул: это было бы форменным безрассудством.

В тот момент мне почему-то вспомнилась военная кафедра в Университете, и подполковник Загорулько, который на полигоне очень переживал, что перед стрельбой из автомата Калашникова я снял очки. Зато он заметно воодушевился, после того как я ни разу не попал в него. Я и по мишеням ни разу не попал, но всё же окрылен подполковник был именно тем, что я не попал в него.

Я стоял на крыльце по колено в сумерках, в которые уже начали подмешивать чернила мрака, и ощущал себя отчасти Чаком и отчасти Норрисом. В пропорции где-то 50 на 50. И вдруг в разгар своего героического стояния я услышал, как тяжелая металлическая калитка с лязгом задрожала. Я мужественно присел – точнее, ножки в коленках самопроизвольно подкосились сзади. Но я не упал, отнюдь! Я же Халк! И даже в чем-то Тор.

Несколько мучительно долгих секунд я ждал, что из темноты на меня набросится нечто чудовищное: беглый каторжник, Годзилла, дикий вепрь, Никита Джигурда. Я снова стал маленьким-маленьким, как в детстве во время прогулки в лесу.

Наконец, прямо перед крыльцом что-то угрожающе зашуршало. Я зажмурился, оставив узкую щелочку-бойницу в правом глазу. Из клокочущего Виями мрака на авансцену вышел довольно упитанный еж.

Еж был размером с маленького поросенка. Такой сильно небритый поросенок-карлик. Очевидно, он пролез к нам во двор под калиткой, зацепив ее своей выдающейся задней частью и произведя тем самым тот громогласный лязгающий звук.

Я не стал больше искушать судьбу и поспешил вернуться в дом.

«Не бояться только дураки», – бурчал я себе под нос.

Я запер дверь изнутри на два оборота: местные поговаривали, что кто-то видел в округе лягушек размером с крокодилов.

А молоток у меня всего один. Да и паутина не казенная.

6. Издержки воспитания

«А что подумал Кролик, никто не узнал, потому что он был очень воспитанный».

Воспитанность для пьер-ришаров – настоящая ахиллесова (кроличья) пята. Она усложняет и без того сложное, затормаживает заторможенное и делает таких сложносочиненных кроликов беззащитными перед прямолинейностью мироздания.

У меня есть одна вежливая навязчивость: я не могу не поздороваться. Даже если это незнакомец. Даже если это кот или голубь, черт побери.

Однажды у себя в офисе я зашел в туалет (разговоры про воспитанность почему-то часто заканчиваются туалетом – неоднократно это замечал). Там над раковиной склонился кто-то из моих коллег: из-за некой анонимности позы я не смог разобрать, кто именно. Коллега мыл руки.

Поприветствовать его классическим ортодоксальным способом было невозможно. Я уже собирался на сей раз изменить своему кодексу, но моя прабабушка-дворянка дернула меня за гены: ты должен поздороваться любой ценой!

И я нашел элегантный выход из положения.

«Извини, не могу поздороваться, не узнаю тебя сзади», – сказал очень воспитанный Кролик.

И как только я произнес это вслух, мой внутренний филолог упал в обморок.

Я молился про себя, чтобы у раковины оказался один из моих корешков, знающих все мои кашенки, аха, аха, как поется в песне.

Человек у раковины выпрямился, обернулся и посмотрел на меня.

Нет, передо мной стоял не один из моих корешков. Более того, это был вообще не наш сотрудник.

А какой-то посторонний, незнакомый мне мужчина, видимо, пришедший на встречу к кому-то из коллег.

Да, я забыл упомянуть одну важную деталь: человек у раковины выпрямился, обернулся и недоуменно посмотрел на меня. Недоуменно, именно, это точное слово.

Сразу вслед за внутренним филологом в обморок попадали мой внутренний трус, внутренний пессимист и внутренний (получается – дважды внутренний) интроверт, один за другим, как домино. Последним в обморок с жутким грохотом упал мой внутренний стержень.

Я сдал задом в отдельную кабинку, куда изначально заходить не планировал, шумно захлопнул дверь и затаился.

Снаружи было тихо.

Я чувствовал себя как плохой актер, забывший текст и сорвавший спектакль.

Я решил как-то разрядить обстановку и спустил воду. Три раза.

Снаружи ни звука.

Я начал нервничать. Мне показалось, что незнакомец замыслил против меня какую-то каверзу. Ну, там, прыснуть туалетным освежителем в лицо, кто знает, на что способны эти невоспитанные люди.

Наконец, здравый смысл начал возвращаться обратно из пяток в мозг, и я предположил, что незнакомец давно ушел: наверное, в тот момент, когда я показательно смывал воду. А я за звуком льющейся воды просто не расслышал, как хлопнула входная дверь.

Я решил немедленно проверить эту восхитительную гипотезу. Между кабинкой и потолком было большое расстояние.

Я встал на унитаз и осторожно выглянул из кабинки сверху.

Незнакомец по-прежнему стоял перед раковиной и вытирал руки бумажными салфетками. Он смотрел прямо перед собой в зеркало. Кабинка, где я нашел приют, располагалась ровно за спиной гостя. Моя голова плавно всплыла в отражении точно над ним.

Наши взгляды в зеркале встретились.

Незнакомец от неожиданности подпрыгнул.

Я нырнул обратно в кабинку и замер, присев на крышке унитаза на корточках.

Даже по моей довольно растянутой десятибалльной шкале фриковатости это была почти десятка.

Входная дверь туалета с грохотом хлопнула. На этот раз сомнений не оставалось: незнакомец бесславно сбежал.

Я вышел из кабинки.

На полу одиноко лежали бумажные салфетки, которые выронил гость.

Ну, что же, сам виноват.

Нечего было подпрыгивать и убегать, не попрощавшись, ведь это так невоспитанно!

7. О важности геометрии

Общественные туалеты – это вообще моя нескончаемая сансара, в которой я мучаюсь всей своей тонкой душевной организацией. Какова карма, такова и сансара, по утверждению сведущих индусов, а карма у меня еще с двадцатого роддома бэушная.

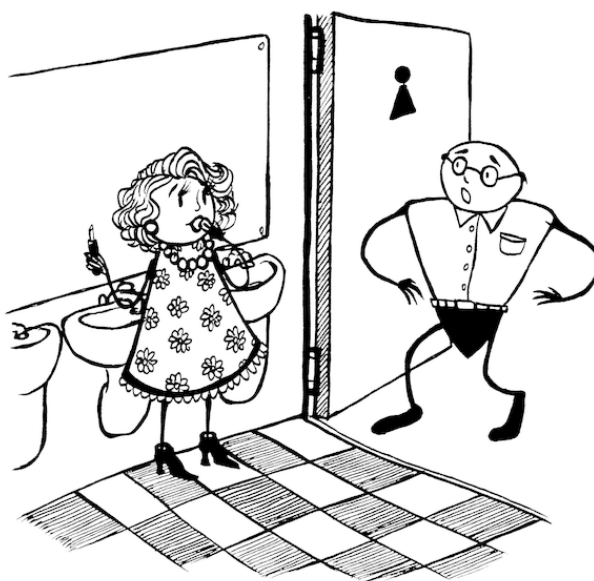
Однажды в моей жизни выдался особенно не тронутый здравым смыслом отрезок. Это было утро.

Тем утром я дважды, с разницей в полчаса, наткнулся на женщин в общественных мужских уборных.

В первом случае в мужском туалете одного торгового центра сотрудница в строгом деловом костюме проверяла график уборки, висевший на стене. Увидев меня, она стушевалась и быстро вышла.

Во втором эпизоде женщина попалась мне в мужском туалете уже в кинотеатре. Ее незначительно оправдывало то обстоятельство, что туалет был все-таки не мужской, а женский. Это я перепутал. На дверях висели обозначения в виде таких дурацких перевернутых треугольников: острие вверх – девочка, острие вниз, что характерно, мальчик. А у меня в школе с геометрией было плохо. Пока я пытался на ходу сообразить, куда смотрит острый угол, вспоминая тангенсы и гипотенузы, бац! – и я уже монументально вздымаюсь посреди женского туалета.

Но в первые минуты я нисколько не сомневался, что туалет мужской. На мою беду, женщина внутри дамской уборной, куда я вломился, тоже была одета в строгий деловой костюм, как и сотрудница торгового центра полчаса назад.

«Уже проверили? – спросил я ее уверенно. – Можно заходить?»

«Что проверила?» – ответила женщина испуганно.

Краем глаза я заметил, что вокруг нет ни одного писсуара. Я мгновенно похолодел. Вот за что, спрашивается, мне, застенчивому невротичу, такие квесты.

«Писсуаров нет», – пискнул я беспомощно вслух.

Кризисный менеджмент – не мой конек.

«И не будет, – уже более уверенно ответила женщина, в глазах которой я моментально переквалифицировался из сексуального маньяка в несексуального идиота, – потому что это женский туалет».

Хорошо все-таки, что это случилось в Москве, в России. Русские женщины терпимы к убогим. Например, в Америке в похожей ситуации их женщина меня уже давно пристрелила бы и в унитаз спустила. И ей бы ничего за это не было.

Потому что геометрию в школе надо учить.

8. Склад Афродит

Вот уж что точно противопоказано любому урожденному пьер-ришару, так это женщины. Чисто по медицинским соображениям: в женщинах содержится слишком много пыльцы, которая вызывает у пьер-ришаров аллергию. Во время приступа они могут напрочь вычихать себе мозг.

Как-то раз я очутился по делам в Останкино. На телевидении.

Меня привезли сниматься в передачу «Дежурная часть», под конвоем.

Шутка. Хотя, пожалуй, подобный вариант – мой единственный шанс попасть в телевизор. В поисках нужного кабинета я заблудился.

Это и немудрено: свою знаменную фразу из «Чародеев» «Ну кто так строит?», как известно, Семен Фарада придумал, заплутав в тех же самых коридорах Останкино, что и я.

Наконец, я вроде бы нашёл подходящую под описание дверь.

Я распахнул ее и уверенно шагнул внутрь. Я предполагал, что в Останкино, на этой ярмарке тщеславия, все нужно делать размашисто, широкими жестами и без рефлексии.

За дверью оказалось крохотное, непропорционально бескрайним коридорам, помещение, битком набитое красотками. Они теснились в той камере, как сельди в бочке, если такое сравнение уместно в случае с красотками.

С ногами, с талиями, с ростом, с каблуками – со всеми аксессуарами, словно с пылу с жару прямо из Инстаграма. Одним словом, от педикюра до кончиков мелирования красотки были прекрасны – форменные богини!

Видимо, умопомрачительницы собрались в той комнате для какого-нибудь кастинга (телевидение же) мне на погибель.

В обществе и одной такой отдельно взятой красавицы я обычно мгновенно распадаюсь на атомы. А тут целый склад Афродит.

Абсолютно машинально, помимо своей воли, я начал красавиц разглядывать. Конечно, не как доктор на приеме, без фанатизма, но, поскольку их там было штук тридцать, у меня ушло по две секунды любования в среднем на каждую. И в итоге получилось, что я безнаказанно пялился на них почти минуту. Молча, не говоря ни слова и не моргая.

Все эту бесконечную минуту девушки, все как одна, в свою очередь, выжидательно смотрели на меня. Когда я это понял, мой конфузомер опасно зашкалил. А тут еще одна из красоток театрально кашлянула и недовольно подбоченилась, слегка изогнувшись в талии и качнув бедром. От этого ее движения мои очки моментально запотели. Надо было как-то разморозиться и спасти положение.

Не знаю, зачем я сказал то, что сказал в следующую секунду. Можно подробно описать, как работает последний айфон. Но как работает доисторический телефон-автомат с диском набором и торчащими наружу проводами в сельпо глухой деревушки, науке не известно. Вероятно, в моем отказавшем мозге всплыло нелогичное дискретное воспоминание о каком-то советском фильме про сельское хозяйство.

Одним словом, я сказал:

«Здорово, бабоньки!»

И, услышав сам себя, тут же вспотел весь целиком вслед за очками.

«А вы Артур?» – спросила ближайшая ко мне красавица и пальнула в меня таким взглядом, что я потом неделю хромал на одну ногу.

«Нет, Артур не стал бы говорить „здорово, бабоньки“», – ответила ей вторая красотка.

«И майку в джинсы не стал бы заправлять», – добавила третья.

«И вообще», – подытожила четвертая.

Все они одновременно посмотрели на меня так, как будто это я убил Лору Палмер.

Кое-как я выбрался из комнаты на негнущихся ногах обратно в коридор.

Вот так выпал мне в жизни один-единственный шанс побыть Артуром – и я его бездарно профукал.

А майку в джинсы с тех пор я больше не заправляю.

9. Пока грохочущая слякоть

Женщин следовало бы ограждать от пьер-ришаров законодательно: власти не представляют реальный масштаб этой проблемы.

Я не помню, когда именно случилась эта история. Тогда на улицах Москвы впервые появились фонари с датчиком движения. Подходишь к столбу – лампочка включается. Фонарь рад твоему появлению и аж светится в твоём присутствии.

Стояла поздняя осень, ноябрь. «Стояла» – правильное слово, хорошее. Оно довольно точно передает ощущение поздней осени в Москве. Все застывает, коченеет, включая кровь в жилах. Мир вокруг затихает. Но только это такое своеобразное затишье, затишье перед каким-то неведомым тотальным коллапсом. Голубям и то лень гадить на тебя сверху.

Я шел от метро домой. На душе было слякотно, под ногами тоже.

Я поравнялся с этим новым чудо-фонарем. Чудо-фонарь включился, и я на мгновение поверил, что мир распахнул мне навстречу свои объятия. В следующее мгновение чудо-фонарь снова выключился. Все как в жизни.

Я сделал шаг, за ним второй и сослепу вошел обеими ногами в гигантскую лужу, на дне которой клокотала какая-то хищная первобытная жижа. Когда я попытался выбраться на берег, то неожиданно обнаружил, что на правой ноге нет ботинка. На мне были штиблеты «лодочками», без шнурков. Один вынырнул, а второй исчез в гримпенской трясине.

Я стоял по щиколотки в холодной воде, поджав ногу в беспризорном носке. Я пошарил рукой в луже вокруг себя, но ничего не нашел. Я вернулся в позу цапли и, наконец, впервые за весь этот адский форс-мажор, задумался.

Ход, точнее, панический бег моих мыслей был прерван стуком каблуков по асфальту. Стук приближался. Кто-то, судя по каблукам, женщина, приближался ко мне из темноты. Женщина шла к метро, то есть навстречу мне, так что я неизбежно оказывался к ней лицом. Я еще не успел толком просчитать все катастрофические последствия этой встречи, как все произошло.

Отреагировав на движение очередного пешехода, чудо-фонарь включился и мгновенно выхватил из темноты меня, раскорячившегося посреди лужи. В луче света я увидел подпрыгнувшую женщину. Дело, конечно, не в том, что она шла вприпрыжку. Несчастная подпрыгнула от неожиданности, ведь я стоял в луже тихо, и для нее ничто не предвещало встречи со мной.

На свете не существует такой безвыходной ситуации, которую я бы не сумел сделать еще безвыходней.

Моим первым благородным порывом было оградить бедную женщину от того архаического зрелища, которое на тот момент представлял из себя я.

Поэтому сразу вслед за ее эффектным прыжком я громко крикнул из своей лужи первое, что пришло мне в голову:

«Вы только не волнуйтесь!»

Что в первую очередь сделает человек, которого просят не волноваться? Естественно, начнет волноваться.

После моей фразы женщина принялась испуганно меня разглядывать. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы обнаружить, что человек, который призывает ее не волноваться, стоит посреди лужи на одной ноге без ботинка. Понимая всю апокалиптичность ситуации, я постарался минимизировать для незнакомки психологический ущерб и принял максимально непригодную позу. То есть, я подбоченился.

До того дня я и представить себе не мог, что можно так быстро бегать на высоких каблуках.

10. Самый неуклюжий флирт в истории

Пьер-ришары известны еще с Древней Греции. Прометей знаменит неосторожным обращением с огнем, Икар думал, что у него руки-крылья, а у него оказались руки-крюки, наконец, Сизиф таскал стройматериалы на себе, в то время как египтяне, по свидетельству Геродота, уже давно использовали лестницы. Древнегреческие женщины, и в особенности богини, очень страдали от таких мужчин. Я происхожу напрямую от древнегреческих пьер-ришаров. Я – избранный наоборот, худший из худших.

Казалось бы, современные технологии должны были поправить дело. Но они только все усугубили.

Однажды я купил модные беспроводные наушники. Они позволяли не только слушать музыку, но и разговаривать по мобильному телефону в режиме гарнитуры. Наушники – из серии тех, что дороже ушей, в которые они вставляются, и умнее мозгов, в которые они транслируют звук. По крайней мере, моих.

Кроме того, мои новые наушники умели разговаривать со своим владельцем. В частности, когда батарея оказывалась на нуле, они женским голосом по-английски просили зарядить их. Правда, об этом я узнал не сразу, а через какое-то время после начала использования. Это знание досталось мне дорогой ценой.

Я третий день дефилировал таким Терминатором с инопланетным гаджетом в ушах, когда раздался очередной телефонный звонок. Я уже привычно принял его через беспроводные наушники. Мне позвонила незнакомая девушка из автосервиса, где я накануне ремонтировал машину, чтобы узнать мое мнение о качестве их услуг. И у меня с ней состоялся один из тех диалогов, после которых я обычно сразу вне конкурса получаю премию «идиот года».

Девушка долго рассказывала мне что-то дежурное, запыхалась, сделала короткую паузу, и в этот момент умные наушники невероятно сексуальным голосом произнесли:

«Charge me».

«Простите, что вы сказали?» – переспросил я девушку.

Девушка, естественно, повторила свое последнее предложение перед «charge me».

И невозмутимо продолжила.

«Charge me», – снова эротично шепнули наушники.

«Извините, я не понял, что с вами сделать?» – не унимался я.

«Ничего. Я не говорила что-то со мной делать», – недежурно опешила девушка.

«Но вы мне сейчас по-английски что-то сказали...»

«Нет, я не говорила. Я в школе немецкий учила», – довольно логично уточнила девушка.

И вновь вернулась к теме своего звонка.

«Просьба по шкале от одного до пяти оценить качество выполненных работ. Charge me.

Где «один» – это очень плохо...»

«Ну, вот опять! Вы только что попросили подзарядить вас».

«Что я попросила сделать?»

И только тут я сообразил, что мне не следовало выдавать в эфир последнюю реплику. Впрочем, как и предпоследнюю, и вообще все мои реплики из того разговора. Меня внезапно осенило, что девушка ни при чем.

Я сослался на вторую линию, извинился и положил трубку. А сам опустился на стул и затих. Моя жизнь была кончена. В моей голове поселился голос, отдающий приказы. Наверняка всему виной эти дурацкие книжки, которые я последнее время глотал пачками. Прав был сосед-алкоголик Вадик: чтение ни к чему хорошему не приводит. Вот он ни строчки после школы не прочел, и в полном порядке. Ужасную новость о моей внезапной шизофрении немного скрашивал тот факт, что голос, поселившийся у меня в голове, оказался женским.

Я разобрался, в чем дело, только через несколько минут, когда наушники отчаялись договориться со мной человеческим языком и жалобно запищали.

Еще раз проиграв в памяти свой недавний диалог с девушкой, я внутренне поседел. Скорее всего, она решила, что это был самый неуклюжий флирт в истории.

11. Тартар из языка тела

Коль скоро от таких, как я, страдают посторонние женщины и даже некоторые посторонние богини, то можно себе представить, как мучаются со мной знакомые девушки.

В девяностые я устроился в Москве на первую полноценную работу в офис и получил свои первые деньги. Астрономическую сумму. Триста долларов. Вместе с ними я получил и свои первые понты.

Первые понты еще не успели всосаться в кровь и поразить жизненно важные органы, как меня на втором месяце работы взяли в загранкомандировку. Кажется, это был Амстердам. Прямо из аэропорта по решению начальника мы сразу поехали работать. В казино. Мой начальник был очень работоспособным, и мы просидели в казино до вечера. Мне выдали пять долларов, чтобы я не баловался и не мешал взрослым. К концу дня я выиграл пятьдесят баксов. Начальник, выигравший пятьсот, расщедрился и мой выигрыш мне оставил. Как премию за тяжелейшую командировку.

После Амстердама во мне сидело уже триста пятьдесят понтов. Я считал себя серьезным бизнесменом, маленьким магнатиком и средненьким босиком. В офисе у меня в подчинении были стул и фикус.

В то время я ухаживал за девушкой. Биоритмы моей сексуальности в ее глазах находились в нижней точке. Что немудрено, ведь как-то раз я серьезно прокололся: пригласил эту девушку в ресторан, а привел в Макдоналдс. Тогда вся молодежь так делала, ведь формально Макдоналдс назывался рестораном. (Нынешние юнцы, кажется, до сих пор это практикуют, прокладывая путь к большой любви через бигмак).

Вернувшись из загранкомандировки, я решил реабилитироваться и вздыбить свои биоритмы. Я пригласил избранницу в ресторан-ресторан. Для меня в те годы это был даже ресторан-ресторан-ресторан. Одно пафосное место в центре Москвы: шапка была явно не по Сеньке. (Названия не помню: оно навечно погребено в трясине травмирующего воспоминания.)

Но триста понтов открывают любые двери. Как триста спартанцев. А триста пятьдесят – тем более.

Мы с моей спутницей сели за столик.

«Заказывай, что хочешь!» – щедро провозгласил я и попытался отодвинуть меню подальше от девушки.

Она заказала котлеты, как сейчас помню. Я тоже хотел их заказать: это было единственное понятное блюдо во всем меню посреди мильфеев, штруделей и прочей кулинарной нечисти. Чтобы не ударить в грязь лицом, я выбрал нечто под названием «мясной тартар».

«Ой, а что это?» – спросила моя спутница.

Я фыркнул с такой экспрессией, что у меня чуть не оторвались ноздри. Она стушевалась.

Через полчаса девушка сидела уже полностью раздавленная моими понтами и местными канделябрами, тихая, как камбала. Она даже моргала неуверенно.

Рыбалка удалась, клев был хороший, оставалось только подсечь – так мне казалось (мы, мужики, на свиданиях всегда в таких терминах про себя рассуждаем, в режиме «Диалогов о рыбалке» Затевахина).

И я подсек. Спутница сама дала мне повод.

«Может, вина больше не будем заказывать?» – прошептала она. – Уж слишком дорого здесь все».

Хорошая, еще советская девушка. Готовая жена, в подарочной упаковке.

Я снова фыркнул, придерживая ноздри.

«Да ладно», – сказал я.

Точнее, я сказал «да лана», как говорят профессиональные понторезы через хорошо раскатанную губу. И добавил, контрольным в голову:

«Не парься, я позавчера в Амстердаме сто долларов в казино выиграл...»

«Позавчера» было важной деталью. Я ведь действительно вернулся из своей первой командировки накануне, и это «позавчера» намекало на то, что я активно мотаюсь по миру, так что ей невероятно повезло застать меня в Москве.

По взгляду спутницы я понял, что она прочитала мою фразу именно так.

Мы с ней сидели напротив друг друга. Столики были маленькими (видимо, чтобы микроскопические порции казались на них больше), и я видел ноги девушки внизу. После слов о казино и Амстердаме моя спутница положила ногу на ногу, и носок ее туфельки указал прямо на меня. Все. Мышеловка захлопнулась.

Еще в моем отрочестве старшие товарищи во дворе, дворняжки-ловеласы, рассказывали нам, салажатам, про женский «язык тела». И мы на всю жизнь запомнили и пронесли в горячих пылких сердцах священное знание о том, что если туфелька девушки носком указывает на вас, то девушка ваша.

Я разволновался от этого чистосердечного признания ее туфельки под столом и пошел в туалет. Не для чего-то конкретного, а просто постоять успокоиться: полить воду из крана, пошуршать бумагой.

Когда я вернулся, за соседним столиком сидели четверо мужиков.

Это были бандиты. У них разве что пулемет «максим» на столе не стоял.

Я понял, что сейчас они убьют меня и заберут мою женщину. Я мужественно прокручивал в голове план спасения: надо сказать браткам, что это женщина не моя, пусть забирают так, не убивая меня.

Но бритоголовые парни сидели хмурые, уткнувшись в меню, и не смотрели по сторонам.

Столы в том ресторане стояли близко друг к другу.

«Чего киксуешь?» – спросил один шкаф другого.

Тот скрипнул створками – пожал плечами. Потом, через паузу, ответил.

«Вчера пол-лимона просрал в „Метле“!».

«Пол-лимона, да ты гонишь. Шняга!»

«Баксов!»

«Оп-па...»

Я моментально вспотел. Даже если шкаф и загнул, как и я, в два раза, это все равно было двести пятьдесят тысяч долларов. Перед моим умственным взором жалкой стайкой пролетели мои сто долларов из казино Амстердама, которые на самом деле пятьдесят долларов из казино Амстердама.

Как только я отер со лба пот, то сразу вспотел вторично.

Я увидел, как туфелька моей спутницы изменила направление и теперь указывала носком точно в бандита с половиной лимона. Если бы женские туфельки умели стрелять, шкаф был бы убит наповал прямо в лоб.

В природе нет ничего глупее мужика, который пытается заскочить на подножку уходящего от него трамвая.

Я попытался спасти ситуацию, естественно, способом, наиглупейшим из возможных.

«Смотри, – прошептал я спутнице, – за соседним столиком. Вроде с виду солидные мужики, а на самом деле то ли продавцы с рынка, то ли дворники: только про лимоны да метлы говорят...»

Девушка вдруг выпрямилась и посмотрела мне прямо в глаза, да так, что я вздрогнул (меня всегда было легко напугать).

Чеканя каждое слово, она сказала мне как-то подчеркнуто зло и сухо:

«Этот дворник сказал, что вчера в казино «Метелица» он проиграл пятьсот тысяч долларов США».

Я опустил голову и принялся ковыряться в своем тартаре.

«Слушай, – проямлил я, – пойдем отсюда, а? Готовят они здесь хреново – вон, у меня котлета совсем недоваренная...»

12. Леша Невидимка

При всей моей грации в неуклюжести и удачливости в невезении, я лишь кандидат в мастера этого спорта. Настоящий мастер, чемпион мира по пьер-ришаровости, это мой друг детства по прозвищу Леша Невидимка.

Он достиг недостижимых высот застенчивости.

Люди до сих пор натываются на него в очередях и наступают на пляжах.

Стоит подойти к нему на улице, когда он не ожидает, и Леша Невидимка впадает в ступор. Нужно какое-то время, чтобы вернуть его к людям.

Прибавьте к этому плохую память на имена.

Приправьте отвратительной памятью на лица.

И сверху водрузите вишенку – просто плохую память, с возрастом лишь регрессирующую.

Мы получаем такой ходячий несъедобный торт. Родную мать на улице он еще, конечно, узнает, но это максимум.

Одним словом, это вылитый человек-невидимка из романа Герберта Уэллса, если по отношению к невидимке вообще применим эпитет «вылитый». Но у нашего человека-невидимки было имя, Леша, поэтому во дворе его так и прозвали – Леша Невидимка.

Как-то раз, уже в наши зрелые годы, мы с Лешей Невидимкой прогуливались по родному московскому дворику, в котором вместе выросли. Невидимка дефилировал свободно и даже, я бы сказал, вальяжно: на этом маршруте он знал в лицо всех голубей и котов и не стеснялся их.

Навстречу нам шла женщина. Она двигалась прямолинейно и равномерно, но внезапно изменила траекторию и кинулась наперерез, как курица под КамАЗ.

«Ого!» – воскликнула она.

Ни «здравствуйте», ни, там, «простите». Сразу – «ого!».

Это довольно неожиданно даже по меркам самоуверенного человека. Мне, например, стало немного не по себе. А про Лешу Невидимку и говорить нечего – он моментально приотворился мертвым.

«Надо же, какая встреча!» – воскликнула женщина, явно обращаясь к моему приятелю.

Леша Невидимка моргнул.

«Сколько лет, сколько зим!» – не унималась та.

Леша Невидимка моргнул, вдохнул.

«Вижу-вижу, ты меня узнал!»

Леша Невидимка моргнул, вдохнул, вспотел.

«Ой, как же ты изменился. Ты прости, конечно. Да и я не помолодела...»

Женщина выжидательно смотрела на Лешу Невидимку. Леша Невидимка самопроизвольно выдохнул, так как вдохнуть дальше было некуда. Звук получился неестественным, как у чайника со свистком. Что пришлось весьма кстати, потому что женщина восприняла этот писк как возражение и доказательство того, что она все-таки помолодела.

«Ой, спасибо, ну, это я в прошлом году в бассейн ходила. Да что мы все обо мне, да обо мне, как ты-то? А я замужем, двое детей. Дочка сейчас в институт поступает, шалава».

И хотя последняя реплика женщины была и вовсе не логичной, Леша Невидимка кивнул. Я уверен, что это самопроизвольно сократились перенапряженные мышцы его шеи.

«Ты знаешь, я до сих пор тебя иногда вспоминаю. Как ты тогда красиво ухаживал. За мной даже муж потом так красиво не ухаживал, а я за него вышла. А эти пионы, да, да? Где ты их нашел тогда, ума не приложу. Ой, пуговица...»

Женщина заметила пуговицу, висевшую на нитке на пиджаке Леша Невидимки.

«Не женат, да?»

Леша Невидимка утвердительно кивнул. На этот раз осознанно. К слову, он был женат, но не сумел возразить от застенчивости. Собственно, по причине той же застенчивости из него отовсюду торчали нитки. Невидимка постоянно крался вдоль стен и цеплялся за выступы и водосточные трубы. Его героическая жена самоотверженно сшивала этого Франкенштейна обратно.

«Знаешь, и все-таки я виновата перед тобой. Ты так красиво ухаживал. Но я не могла ответить тебе взаимностью, понимаешь? Ну, конечно же, ты все понимаешь. У меня же был Антон Христофорович...»

От неловкости момента у Лешы Невидимки был такой потерянный и несчастный вид, что женщина решила его как-то приободрить и сочувственно взялась за пуговицу на нитке. Пуговица осталась у нее в руке.

«Если бы все вернуть, наверное, я бы поступила иначе. Какие были пионы... А может, еще не поздно, как думаешь? Эх, Саратов, Саратов, наша молодость...»

И тут на мумифицированной физиономии Лешы Невидимки проступила первая узнаваемая человеческая эмоция. Он искренне удивился, всем лицом. За свою жизнь застенчивый Леша Невидимка, коренной москвич, ни разу не выезжал из столицы. Хотя нет, однажды он был в Мытищах.

Женщина внезапно отшатнулась и испуганно взглянула на Лешу Невидимку так, словно перед ней выпрыгнула Годзилла.

«Не Саратов?» – упавшим голосом спросила женщина.

Леша Невидимка трагически покачал головой.

«Не Саратов?» – еще на октаву ниже спросила она меня, впервые за весь разговор заметив мое присутствие.

Я подтвердил приговор.

Женщина вздохнула, сунула пуговицу в безжизненную ладонь Лешы Невидимки и понуро поплелась дальше.

Все-таки застенчивость – опасная черта.

Хорошо, что для Лешы Невидимки все так безболезненно закончилось.

А ведь мог уйти с того места с двумя детьми и Антоном Христофоровичем в придачу.

13. Белый лебедь

На Лешу Невидимку, эту помесь Фауста с осликом Иа-Иа, неприятности слетались, как мухи на прекрасное.

Он мог опростоволоситься на ровном месте. Более того, конфузы случались с ним и вовсе без его непосредственного участия, настолько кособока была у парня карма.

На выпускной вечер родители купили Леше Невидимке костюм. Хороший, но белый. Девяностые годы, с черными в стране была напряженка: страна ударно хоронила братков. В то время, очень некстати для Лешки Невидимки, гремела песня «а белый лебедь на пруду качает павшую звезду». На дискотеке по случаю выпускного эту песню для Лешки у диджея не заказал разве что глухой.

Несмотря на это, Леша Невидимка трепетно полюбил свой единственный выходной костюм и носил его не только в выходные, но и в будни. Фактически круглые сутки. Злые языки утверждали, будто он даже спал и мылся в нем, настолько они сроднились. Вероятно, Леша полюбил этот костюм как своего полного антипода – броского, вызывающего, эпатирующего. Возможно, в нем он чувствовал себя реальнее, более четко прорисованным.

Белый костюм Лешки Невидимки настолько примелькался у местных бабушек, коротавших свою предсмертную вечность возле дома на лавочке, что они узнавали его за километр на подходе ко двору: светлое пятно каждый раз грандиозно выплывало из-за горизонта.

Мама Лешки Невидимки невзлюбила этот белый костюм всей душой, потому что, во-первых, его часто приходилось отдавать в чистку, а во-вторых, он позорил ее, как мать, якобы не способную купить сыну что-то другое. На самом деле, в родительском доме у Лешки Невидимки были целые шкафы чего-то другого, как у современной модницы-инстаграмщицы, но мой странный приятель упорно облачался в свои белые одежды. Мама Лешки неоднократно угрожала выбросить костюм на помойку, когда он заснет. Но так как Леша спал в костюме, это было сделать не просто, а выбросить ненавистный предмет гардероба вместе с любимым сыном женщина так и не решилась.

Ни мама, ни, тем более, бабушки у подъезда не знали, что белый костюм был для Лешки Невидимки не отдельно стоящим изолированным фетишем, а всего лишь орудием завоевания девочки из дома напротив. Он ухаживал за ней, сколько себя помнил. Ну, как ухаживал... За неприхотливым кактусом в горшке в своей комнате Леша и то ухаживал активнее. Сутки напролет эти двое наматывали круги по району, держась за руки. Сначала вокруг дома. Потом вокруг двора. Потом вокруг квартала. Кто-то рассказывал, что видел их гуляющими вдоль московской кольцевой. Леша Невидимка со своей зазубой были как камень, брошенный в тихий пруд: круги расходились все дальше, булыжник тонул все глубже.

Поскольку Леша Невидимка жил по соседству со мной, я хорошо знал его возлюбленную. «На любителя», – говорил про таких шовинист Сема. А он однажды точно так же высказался и про «Зубровку», после которой его стошнило, так что в его устах это вряд ли подразумевало комплимент. У (номинальной) девушки Лешки Невидимки были огромные глаза, причем огромными их делала не природа, а очки с толстыми стеклами.

Леша Невидимка был подлинно романтической натурой. Я не исключаю, что в его воображении этот одиозный белый костюм рисовался чуть ли не белым конем. В любом случае никакого другого белого коня наш местный принц позволить себе не мог: от него и люди-то шарахались, не говоря уже про животных.

Несмотря на всю свою надмирность и бесплотность, а может, как раз благодаря им, Леша Невидимка сделал блестящую научную карьеру. Уже ко второму курсу он, белый лебедь среди серых мышек, стал восходящей звездой своего института, вопреки пророчеству той самой песни группы «Лесоповал».

Как-то в один из летних месяцев Леша Невидимка уехал на несколько недель в экспедицию на археологические раскопки.

Он вернулся оттуда тихим теплым вечером. В кармане у Леши Невидимки топорщилась гигантская невероятно ценная древняя гайка, опознанная им как женское кольцо пятого века до нашей эры. Леша откопал этот артефакт для истории и тут же вероломно отнял у нее в корыстных целях. Тяжеленную гайку неправильной формы неисправимый романтик собирался подарить даме своего сердца.

Леша Невидимка прибежал во двор прямо с поезда и сразу метнулся в подъезд к своей возлюбленной. Девушка оказалась дома. Они поговорили ровно одну минуту. За эту минуту Лешиной избраннице удалось сделать то, чего за полгода не сумел добиться сам Леша – развить их отношения. Близорукая нимфа сообщила Леше, что они расстаются.

Девушка объяснилась. Всею виной – его вранье. Она знает, что ни в каком институте Леша не учится. Что он опустил, пьет, валяется под деревьями и шарится по помойкам. Она сама лично это видела. Леша успел заметить, как по ту сторону аквариумных стекол блестят слезы. В следующую секунду возлюбленная захлопнула перед его носом дверь.

Леша Невидимка поплелся домой, ничего не понимая.

Пройдя через двор и меланхолично, за два часа, поднявшись к себе на второй этаж, он, наконец, догадался. Очевидно, дело было в белом костюме. Леша Невидимка впервые явился пред светлы очи своей дамы сердца без него, фактически в неглиже.

Леша вошел в квартиру и вместо «здрасьте», вполне уместного после нескольких недель разлуки с родными, попросил у мамы принести его костюм. А мама, вместо того же «здрасьте», сообщила, что этот «дурацкий» костюм благополучно выбросила, как давно мечтала, на следующий день после его отъезда в экспедицию.

Леша вышел из дома и сел на лавочку перед подъездом.

Невероятно ценная древняя гайка неправильной формы больно вдавилась в ногу. Но Леша Невидимка этого не замечал. Другая боль, эфемерная, бесплотная, захлестывала его волнами. Он брошен. Как та самая павшая звезда из песни. Все-таки она оказалась пророческой.

«Ой, – воскликнула старушка-соседка на скамейке рядом, – а я тебя только что у помойки видела».

Леша Невидимка поднялся и, не глядя, поплелся в никуда.

«Как же они достали, – бормотал он себе под нос, – что за бред они все несут».

Леша Невидимка дошел до окраины двора и оглянулся на родные пенаты. Как он считал, в последний раз. Справа, чуть поодаль, у помойки он увидел себя. В белом костюме. Копящегося в мусорном баке.

Леша вздрогнул всем телом (а это при его раскоординированности было не просто) и навел резкость.

Сомнений не оставалось: белый костюм – точно его. А вот организм внутри – какой-то посторонний.

Леша еще пристальнее пригляделся.

Это был бродяга.

Раньше Леша его во дворе не видел.

Он подскочил к незнакомцу.

«Кто ты такой? Откуда у тебя мой костюм?»

«Тю! – резонно заметил бродяга, щедро обдав Лешу винными парами. – Твой! Ща! Я его недавно вот тут, на енттой самой помойке, самолично нашел».

Пока Леша Невидимка соображал, алкаш на всякий случай отбежал на безопасное расстояние и оттуда крикнул:

«Сам себе костюм найди! Бомжара!»

Бродяга-алкаш был в чем-то прав: после экспедиции на Леше толстым слоем лежала пыль веков.

Леша Невидимка не стал преследовать бродягу. В сущности, родная душа, тоже в чем-то археолог.

Леша сжал в кармане кольцо и помчался к своей непоправимо близорукой принцессе. Вся нерастроченная решительность разом ударила ему в голову. Вместе с теплом летнего вечера в придачу.

Они поженились через несколько месяцев. Я присутствовал на их свадьбе.

У Леша Невидимки было время в подробностях рассказать мне про все события того памятного летнего вечера, пока его теща, тесть и еще несколько родственников пытались вытащить из невероятно ценной древней гайки неправильной формы распухший синий палец его жены.

14. Пикник на Этне

В своей пьер-ришаровости я долгое время чувствовал себя одиноким. Мне казалось, что тогда, в СССР середины семидесятых, я был выпущен в единственном экземпляре, и после того, как сотрудник ОТК в конце конвейера разрыдался надо мной, немедленно забракован. Все подходили к моей кровати со словами: «Ух ты, на фиг, ё-моё». Такое на памятнике не напишешь. Я страдал.

Пока не встретил похожую пьер-ришаровость и аналогичную чудесность в перьях, причем там, где меньше всего ожидал, – в девочке. Девочка-Пьер-Ришар училась в моем Университете на другом факультете. Мы были ровесниками.

Какая потрясающая пара, искрометная, точно оборванные провода, взрывная, как кока-кола и «ментос», могла бы из нас получиться, но нет. Не в этой книжке и не в этой жизни. Законы физики действуют и в любви: одноименные заряды отталкиваются.

Мы отдали должное аутентичной придурковатости друг друга и стали друзьями.

Родители моей подружки в свое время не придумали ничего лучше, как окончательно испортить девочке карму и назвали ее Фёклой. Папа был каким-то недораскулаченным старобрядцем и махнул от души. Представляясь новым знакомым, Фёкла каждый раз неизбежно краснела, стесняясь своего имени, поэтому всю школу она естественным образом проходила Свёклой. В университете, на ее счастье, публика подобралась интеллигентная, поэтому имя несчастной никто пародировать не стал, посчитав, что Фёкла – уже достаточно смешно.

Самый интересный и в чем-то клинический случай произошел с Фёклой на втором курсе.

Однажды подружка на бегу поймала меня в одном из коридоров Университета и между прочим спросила:

«Ты не знаешь, где здесь девственность теряют?»

Даже по довольно резиновой шкале Фёклиной чудаковатости это был перебор. Я экстренно затормозил, скovyрнув несколько половиц в паркете и оттащил подружку в сторону: она задала свой вопрос слишком громко, так что на нее оглянулись сразу несколько человек.

За пять минут, остававшихся до начала следующей пары, Фёкла рассказала мне о своей проблеме. Правда, в итоге я ничего не понял, и нам понадобилось еще полчаса, так что пара в результате была благополучно прогуляна.

Фёкла призналась, что она заржавела. Что пора доставать бутон из нафталина. Что она из девочки рискует стать сразу бабушкой, но вязать носочки ей будет не для кого. Что в ее случае Афродита вышла из морской пены, но споткнулась и сломала ногу. Что она еще никому не испортила жизнь, а уже пора. Что ее биологические куранты уже давно пробили время парада, а ракеты на горизонте все нет.

Фёкла несла какую-то дельфийскую ахинею: говорила, как Пифия. Она вообще обожала Беллу Ахмадулину и периодически включала ее в своей речи. В тот момент это было совсем не вовремя.

«Фёк (так я ее называл, уменьшительно-ласкательно), ты чего, это же я!»

«Мне нужно срочно потерять невинность, – сдалась Фёкла, – я покрылась мхом».

Выяснилось, что на их курсе среди девочек только и разговоров, что о романах да о романах, ее саму мама родила в девятнадцать, а бабушка, к которой она ездила летом на каникулы в деревню, заявила внучке, что та, собственно, покрылась мхом.

А я на своем факультете как раз начал проходить логику. Так что мне понадобилось меньше минуты, чтобы снести Фёклин самострой с дороги здравого смысла. Во-первых, девочки на ее курсе могли сколько угодно говорить о романах, вот только большинство из них скорее всего даже не представляют, как выглядит библиотека. Во-вторых, я видел папу Фёклы, и от такого красавца я бы и сам родил хоть в девятнадцать, хоть во все восемнадцать. В-

третьих, бабушка не показатель, так как, возможно, внучка просто плохо причесалась, отсюда такая неуклюжая метафора про мох.

Все эти сияющие аргументы я выдал Фёкле под аплодисменты Аристотеля из глубины веков. Моя подружка дважды моргнула.

«Ты не знаешь, где здесь девственность теряют?» – обнулившись, повторила свой вопрос Фёкла.

Возможно, при другом раскладе, если бы это была не Фёкла, мы нашли бы для ее проблемы элегантное решение. В конце концов, я бы мог предложить ей свою неочевидную кандидатуру: ну, а что такого, если оглушенная динамитом весны и юности рыба сама плывет к берегу в руки.

Вообще-то, Фёкла была весьма эффектной девушкой, высокой и лохматой. Глаза у нее иногда лучились, как колчедан. Такое тихое дыхание углей задремавшего костра: огня не видно, но он угадывается.

У моей подружки была всего одна проблема, которую однажды довольно точно сформулировал наш общий знакомый:

«Фёкла классная, но с пулей в голове».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.